

Вячеслав Саватеев

МОЕ ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ КОРЕИ

(Из записок русского преподавателя)

...Собираясь в Корею, мы с женой обсуждали проблему питания. Во-первых, мы знали, что многие национальные корейские блюда мы не сможем есть – слишком они непривычные, острые. Во-вторых, вечная наша забота – как сэкономить, если мясо и прочие привычные нам яства окажутся дорогими.

– Боже мой! – воскликнула моя жена. – Да мне моя знакомая рассказывала, как она однажды отдыхала в Узбекистане осенью и прекрасно прожила там, питаюсь в основном фруктами и лавашем. И вкусно, и полезно, а главное – совсем недорого. А Южная Корея и вовсе южная страна. Там, я думаю, можно одним виноградом с хлебом прокормиться. И наверняка обойдется это дешево...

Я понимал, что эта проблема женой несколько упрощается, но в принципе был согласен с ней. В самом деле, виноград в Корее должен быть дешевле дешевого. Ведь если в недавние застойные годы мы в Крыму могли позволить себе покупать сравнительно недорогой виноград килограммами да и другие фрукты, то уж в настоящих субтропиках всего этого должно быть и вовсе хоть завались. Ну а хлеб в любом случае не мясо...

Все оказалось не то чтобы совсем не так, как мы себе представляли, но все же несколько иначе. На винограде с хлебом, слава Богу, нам не пришлось жить – профессорская зарплата с самого начала позволила значительно расширить рацион. Ну а уж о возможностях выбора продуктов, в том числе не обременительных для кармана отнюдь не богатого потребителя, едва ли приходится говорить. Приблизительность наших познаний и фантазий обнаружилась и в том, что виноград оказался не самым дешевым и расхожим продуктом (равно как и колбаса, скажем, этот наш национальный эталон благополучия). Да и хлеб, хотя он тут был представлен в более чем достаточном количестве и ассортименте (но только «белый» – из кукурузной или рисовой муки, нашего же ржаного, «черного» хлеба у них нет), нельзя сказать, что был совсем за бесценок: в пересчете на наши, русские цены он здесь, как, впрочем, и многое другое, оказался минимум раза в два дороже (а после последнего кризиса, надо полагать, и побольше)...

Итак, виноградного рая в Южной Корее нет. А вот мандаринов действительно много, и они сравнительно недороги. Их выращивают на южном острове Чечжудо, они есть в продаже практически весь год; но больше всего их с октября по апрель. В это время они доступны практически всем. Средняя цена их – одна тысяча вон за десяток свежих, сочных плодов, а иногда дешевле (заметим, что многие товары, и прежде всего фрукты, продают не килограммами, а штуками).

Всем известно, что жизненный уровень в Корее достаточно высок (кризис немного сбил планку, но катастрофического обвала, как у нас, не произошло, и уже через год положение снова стало восстанавливаться); он многократно выше нашего,

российского. Но о каком-либо рае в Корее, я думаю, говорить не следует, хотя бы потому, что рай – это нечто беззаботное и бесплатное, а корейцы сами знают, что всё в жизни – стабильность и благополучие прежде всего – не дается само по себе, а достается настойчивым и кропотливым трудом. Трудолюбия же им не занимать...

* * *

Первый месяц я жил в студенческом общежитии – разумеется, в отдельной комнате. И в первые же дни не обошлось без казуса. Я уже знал об обычае обязательно снимать обувь при входе в помещение. В общежитии этот порядок, как и везде, соблюдался неукоснительно. У самого порога стояло множество всевозможной обуви – туфли, тапочки, сланцы. Студенты на ходу, не глядя, совершали эту привычную для них процедуру переобувания обуви, некоторые проходили в свои комнаты прямо в носках. А почему бы и нет, если полы повсюду, в том числе в коридоре, вычищены до блеска? В носках я с первого дня пойти, однако, не отважился, а что касается тапочек, сменной обуви, которая стояла у порога, то я вначале рассудил, что она предназначена для всеобщего пользования, и каждый может надевать ее по своему усмотрению...

Два дня я надевал первые попавшиеся мне сланцы. На третий же день, собравшись выйти из общежития, я не смог найти свои туфли, которые перед этим оставил у порога, поменяв их на чьи-то сланцы. Я ни на минуту не сомневался, что мои туфли никто не украл – такого здесь не могло быть. Да и ботинки мои, если откровенно сказать, никакой ценности не представляли: обычный московский ширпотреб, к тому же со стоптанными уже порядком каблуками. И тем не менее факт, как говорится, был налицо: туфли бесследно пропали!..

Я в который раз обшарил десятки пар обуви у порога, заглянул во все углы и ящики, стоявшие тут же, – но нет, все было напрасно. Что делать? И тут ко мне подошел студент, у него в руках были... мои туфли! Я удивленно посмотрел на него, не понимая, что произошло. Тогда он показал рукой на мои ноги и что-то заговорил. Я не понимал слов, но догадался, что на мне его обувь... Все ясно: не обнаружив у порога своих сланцев, он взял мои ботинки и теперь предлагал обменяться. Мне было неловко: выходило, что я использовал чужую обувь – вместо того, чтобы приобрести свою собственную. Объяснить студенту, что я сделал это по незнанию, я не мог; оставалось надеяться, что он сам это поймет, догадается. В тот же день я купил себе тапочки и довольно быстро привык к смене обуви у порога (сказать откровенно, поначалу мне это показалось чем-то необязательным и утомительным)...

* * *

Первые две недели я питался вместе со студентами и поэтому запомнил их примерный рацион. Первое блюдо – непременно и неизменная пиала вареного риса (сухого, без соли, с непривычки – безвкусного). Отдельно – различные приправы (по-нашему, «закуски», но у корейцев такого понятия нет), наиболее знаменитая из них – *кимча*, квашеная, остро приправленная капуста особого рода; это одно из самых популярных (после риса) корейских национальных блюд. Далее – суп из каких-нибудь трав, морских растений (я даже не старался запомнить их названия – настолько они мудрены), затем еще какое-нибудь, говоря по-нашему, второе блюдо (хотя вообще корейская кухня первых, вторых и прочих блюд как таковых не знает). Наконец, вам могут дать одно большое яблоко, небольшой пакетик молока. Яблоки, молоко, как и многое другое, вы можете приобрести и отдельно, в небольшом магазинчике, расположенном тут же, этажом ниже, у выхода из столовой... Да, столь же обязателен, как рис, стакан кипяченой воды, тоже абсолютно без всяких

добавок; никаких компотов, кофе и прочих лакомств. Все это вы можете приобрести сами после еды... Стоил такой завтрак, равно как обед и ужин, тысячу вон (чуть больше доллара) – цена, вполне доступная каждому студенту. Обед строго с часа до двух. Потом опять занятия. Окончание учебного дня, лекций – в пять часов. В шесть ужин, и затем свободное время...

Многие студенты, как я заметил, вечерами предпочитали заниматься в библиотеке, выполняли домашние задания, готовились к экзаменам, другие же смотрели телевизор, играли на стадионе, прогуливались. В общем, всё как везде... По вечерам как и в другое время, обычно было тихо и спокойно. Ни о каких попойках, потасовках и прочих молодецких подвигах я что-то не слышал. В одиннадцать часов вечера – общий отбой, и общежитие укладывается спать. За порядком в общежитии следит строгий дежурный; он, как авгур, сидит при входе, все видит и знает, все его слушаются и подчиняются ему. Мне говорили, что мест в общежитиях для всех желающих не хватает, поэтому студенты очень дорожат своим местом...

Общежитие – это не мужской монастырь и не военная казарма, и неверно думать, что живут в нем какие-то отшельники. Но есть тут правила и обычаи, которые для непривычного к ним человека могут показаться более чем странными. Один из них – запрет посещения общежития женщинами; запрет очень строгий, исключение составляют разве что уборщицы. Помню, с каким большим трудом удалось пройти ко мне студентке, которую я попросил принести книгу; она должна была покинуть меня, не задерживаясь и пяти минут. Кстати сказать, как выяснилось, я по неопытности явно недооценил всей строгости и непреложности существующего запрета и вскоре поплатился за это. Расскажу об этом подробнее.

После долгих хлопот приехала в Южную Корею, наконец, моя жена. Квартира для нее еще не была готова, и я был убежден, что на некоторое время мы вполне можем расположиться и жить в моем номере в общежитии вдвоем. Конечно, там не было плиты, холодильника, вести хозяйство было бы затруднительно, но такие трудности мы готовы были перенести... Так думал я, но, как выяснилось, глубоко заблуждался. «Женщина не имеет права находиться в мужском общежитии, – сказали мне. – Это твердый порядок и нарушать его нельзя». Все мои резоны, которые я попытался сразу же высказать дежурному по общежитию, внимательно выслушали, но отказ был столь же категоричен, сколь и вежлив... В переговоры вступил профессор Ли, который оказался при этом; он что-то по-корейски говорил начальнику общежития, но и это успеха не принесло... По моему настоянию профессор намерен был обратиться к проректору университета, но его не нашли, нас же убедили, что старания напрасны: скорее всего, и проректор едва ли захочет отступать от принятого правила. Так что мы с женой уже собрались поехать домой к профессору Ли, который любезно приглашал нас к себе, но нам не хотелось злоупотреблять его вниманием. Решилось все в последний момент: нам сказали, что мы можем въехать в заранее предназначенную для нас квартиру, так как ремонт там был практически закончен. Так, в конечном счете, благополучно разрешился наш жилищный кризис... Жена же так и не смогла переступить порога общежития, в котором я прожил одиночкой целый месяц...

* * *

В конце сентября был всенародно чтимый и широко, повсеместно отмечаемый в Корее праздник – Чхусок, праздник урожая и одновременно благодарения предкам. В этот праздник все едут к своим родителям в деревню, к местам захоронения родственников. Профессор Ли со всей семьей тоже собрался в дорогу, позвал и меня с собой...

– Сегодня надо лечь пораньше, завтра рано вставать, – сказал он и добавил озабоченно, нахмутив лоб: – На дорогах будут большие... пробки.

Спал я на полу. В комнате было жарко, как я ни открывал окна, поэтому выспался неважно. Проснулся в шестом часу, однако хозяева уже бодрствовали. Собрались в дорогу, позавтракали. В машине нас пятеро – профессор с женой, двое мальчиков и я. Уже через час езды начались пробки, а точнее говоря – одна большая, непробиваемая *пробка*. Машины дольше стояли в ожидании, чем двигались, – словно в замедленной съемке. Расстояние до деревни родителей всего около пятидесяти километров напрямую. По такой широкой, многополосной дороге, по которой мы ехали, не больше одного часа, если бы не эта злополучная пробка...

Машины съезжались, стекались со всех сторон, как ручьи в одну реку. Профессор Ли и его жена – оба хорошие водители. Они искали объездные пути, старались миновать заторы, в какой-то момент им это даже удавалось. Но не проходило и пяти минут, как снова все движение впереди, на всем обозримом пространстве, замирало и останавливалось... Мы приехали в поселок около трех часов дня. Я сосчитал: в пути мы находились больше семи часов! Мы ехали со скоростью чуть больше семи километров в час – а это почти скорость пешехода!..

Принимали меня прекрасно. Гостеприимство у корейцев в крови. На столе чего только не было! Но я мог есть далеко не все и нажимал на то, что мне было хорошо знакомо: виноград, фруктово-овощной салат, варенье, молоко, хлеб. Этого было вполне достаточно, родителям же профессора все казалось, что я голоден и ничего не ем. Ну почти как у русских, – тут мы, пожалуй, схожи, хлебосольством. Меня спрашивали обо всем, я отвечал, как мог, роль переводчика выполнял при этом профессор...

После ужина мне показали видеофильм о праздновании 60-летия отца профессора. Этот юбилей у корейцев отмечается особенно торжественно, хотя на пенсию они уходят пятью годами позже. Фильм длился около часа и показался мне очень интересным и поучительным. Речи, песни, танцы – одним словом, многое, как у нас. Но, пожалуй, больше ощущается традиция, уважение к старшим, к родителям, у нас это как-то в последнее время уходит, стирается. Минимум спиртного, никто не напивается...

Вообще в Корее пьют умеренно, значительно меньше, чем у нас, особенно крепкие напитки. Я и на улицах крайне редко встречал пьяных. Помню, за несколько месяцев всего лишь один раз (было это на железнодорожном вокзале) ко мне пристал пьяный кореец, привлеченный моим иностранным видом, но вскоре и отстал, не причинив мне никакого вреда...

На следующий день праздник Чхусок продолжался. С утра – праздничный завтрак, которому предшествовал особый ритуал поклонения предкам. Совершал этот ритуал хозяин дома, отец профессора. Хозяин говорил какие-то слова, производил непонятные мне действия – видимо, обращался к духам, приглашал их на праздник. Профессор, его дети тоже участвовали в действе. Было торжественно... Примерно минут через двадцать-тридцать ритуал был закончен, и все, в том числе гости, расселись за праздничным столом.

Через час родственники собрались ехать на место захоронения предков. Шел дождь, и я остался дома, решив, что едва ли следует вмешиваться постороннему человеку в такие интимные минуты праздника. Днем, когда вернулись с кладбища, профессор спросил, не хочу ли я позвонить домой, в Москву, жене. Я, безусловно, был бы рад, но спросил, а не сложно ли звонить в такую даль отсюда – ведь придется куда-то ехать или идти?...

– Зачем? Не надо никуда ехать, – улыбнулся он.

Профессор что-то сказал по-корейски своему отцу, тот коротко кивнул, повернулся, взял трубку телефона, который стоял тут же, на столе, и протянул ее мне.

– Звоните, – сказал профессор. – Это радиотелефон.

Я уже, кажется, разучился удивляться многому, но тут... Небольшой поселок, в стороне от Сеула и других городов, а оказывается, и отсюда можно позвонить в любую точку мира, набрав десяток цифр. Дрожащий от волнения, радостный голос жены был слышен так, как будто она находилась где-то совсем рядом, за перегородкой. Теперь-то и нас не удивишь всеми этими чудесами техники, но всего несколько лет назад все это было для меня в диковинку...

* * *

Итак, после моего месячного анахоретства в общежитии ко мне приехала жена, и мы с ней вдвоем поселились в квартире в городе Чонан, в сорока минутах езды на машине до университета – места моей работы... Санжук-вилла – так теперь называлось наше новое обиталище. Вилла – это сравнительно небольшой четырехэтажный дом, в котором всего десять или двенадцать квартир. Мы расположились на третьем этаже. В нашей квартире было три комнаты разных размеров, не считая кухни и проходной, большой лоджии с одной стороны и хозяйственного помещения – с другой. Как нам объяснили, за квартиру платит хозяину университет, а это расходы немалые... Самим нам пришлось оплачивать малую долю, и в основном за энергию – керосин, газ, электричество. Пищу корейцы готовят на газовых плитах, керосин-бензин нужен для отопления помещений – делается же это при помощи бойлерной, которая имеется в каждой квартире... Признаюсь, когда мне сказали, что отапливать квартиру придется керосином, я затосковал. В моем воображении встали знакомые картины прошлого: допотопные керосинки, керогазы и прочие изделия отечественной промышленности, копоть от них, неуничтожимый запах... И мне со всем этим придется возиться? И можно ли керосином натопить большую квартиру, не придется ли замерзать зимой?

Но все и на этот раз оказалось не так страшно, как я себе представлял. Ничего похожего на наши старые послевоенные керосинки и даже нынешние дачные отопительные системы – корейские бойлерные работают на электронике, они надежно отгорожены от жилого помещения и вполне справляются со своими функциями при минимуме постороннего вмешательства. И бензин заказывать проще простого. Специальные машины-бензовозки приезжают по первому зову, достаточно назвать адрес через дежурного... Сто или двести литров горючего заливались в бойлерную рабочими быстро и аккуратно; в зимнюю пору этого хватало примерно на месяц, а летом и вовсе на два-три месяца, а то и больше. То же самое было и с газом. Приезжали машины с баллонами, забирали пустой баллон, заменяли его новым, полным. Стоимость газа в несколько раз дешевле, чем бензина... Одним словом, обслуживание выше всяких похвал – быстро, надежно, без каких-либо трудностей и сбоев. И это при том, отметим, что бензин и газ у Кореи не свои, она не имеет собственных запасов, все привозит из-за границы, и довольно издалека – из Арабских Эмиратов и даже из Латинской Америки...

Однако хорошая квартира – это много, но далеко не всё для нормальной жизни. Нужна хоть самая необходимая мебель, постельные принадлежности. Всего этого в квартире не было. На первых порах нам опять-таки очень помогал профессор Ли. Его жена и домохозяйка дали нам свои матрацы, подушки, одеяла, посуду, даже газовую плиту (для себя они только что купили новую), которая и прослужила нам весь срок. Позже мы многое из домашнего скарба приобрели сами, но, как говорится, лиха беда – начало, ведь спать, варить еду надо было с первого же дня.

это ждать не может. Нам нужно было время, чтобы осмотреться, привыкнуть к обстановке; так что неотложная помощь профессора Ли и в этом житейском деле была просто незаменима...

И все же обживаться, привыкать к новому образу жизни в первое время было непросто. Так, сначала мы попытались приспособиться спать на полу, без кроватей и матрацев – для корейцев это привычное, освященное давней традицией дело (хотя сейчас многие из них спят на кроватях). Однако не тут-то было. Среди ночи мы просыпались от жесткости ложа и никак не могли уснуть. Мы пытались убедить себя, что на твердом полу спать полезно, что это излечивает от радикулита и других хворей, – так считают и сами корейцы. Но на практике у нас почему-то выходило наоборот. По крайней мере, у меня боли в спине не уменьшились, а лишь усилились. Я не высыпался. В конце концов, после трех недель сопротивления и попыток научиться спать по-корейски мы сдались и приобрели матрацы (позже дело дошло и до кроватей). И с тех пор облегченно вздохнули и нормально спали. Смешные, мелкие проблемы? Со стороны, может быть, и так, но когда подобный опыт приобретает буквально собственными боками, то всё это вовсе не кажется таким уж пустяком...

То же было со стульями и столами – обеденным и письменным. Казалось бы, чего проще: пойди в магазин – и купи то и другое... Но мебель в магазинах продавалась в основном импортная (из Италии, Франции, Америки) и, соответственно, дорогая. Через год-два нам придется покидать Корею, но без основания рассуждали мы, и что тогда делать с этой дорогой мебелью? Продавать – хлопотно, а выбрасывать – жалко. Вот мы и старались первое время обойтись без столов и стульев, но, как и в случае с кроватями, удобств это не прибавляло. Потом мы нашли выход из положения: кое-что купили, а в основном «подобрали» бывшее в употреблении... Дело в том, что мебель при переездах в Южной Корее, как и во многих других странах, выставляется на улицу, так как в новую квартиру хозяева предпочитают везти новую мебель (благо, имеют такую возможность), – вот мы и воспользовались этой доброй традицией... И так приходилось приравниваться буквально ко всему.

* * *

Не сразу мы освоили и довольно строгую и сложную процедуру избавления от домашнего мусора. Корейцы буквально фанатически стремятся к соблюдению чистоты дома и в общественных местах, и нам сделали довольно строгое замечание, когда мы вынесли мусор в ведре и, как привыкли делать у себя, выбросили его в большой бак, который находился недалеко от нашего дома... Второе замечание мы получили на другой день, когда в тот же бак отправили старые газеты. Оказалось, что мусор полагается выбрасывать в специальных мешках, которые продаются во всех магазинах (кстати, деньги от продажи этих мешков идут на осуществление экологической программы в стране). Более того, существуют мешки разных видов и цветов для разных видов мусора... Что же касается газет, картонных коробок и прочего, то их вообще нельзя класть в баки, чтобы не смешивать с другими видами мусора; все это полагается складывать опять-таки в специально отведенных местах. Мебель, изделия из дерева и железа, другие крупные предметы просто выставлялись на улицу, и их в течение дня убирал дворник... Все это лишь малая часть тех правил, которые должны были выполняться всеми и выполнялись неукоснительно. Столь тщательно соблюдаемый порядок борьбы с отходами и мусором вовсе не роскошь, а жестокая необходимость: без этого было бы невозможно справиться с опасными болезнями, характерными для южных стран...

В этой связи еще замечу, что, как мы могли убедиться, одна из важных и популярных в Корее профессий – дворник, уборщик мусора (точно не знаю, как он называется у корейцев). Его работу мы могли наблюдать весь день. С раннего утра до вечера он, не разгибаясь, подметал улицу, очищал баки, сортировал бумажные отходы (надо было видеть, как тщательно он раскладывал на земле газеты, картонки, связывал их в пачки, укладывал в мешки, увозил на тележке, позже все это погружалось на машину и отправлялось на свалку). Ни одна бумажка не оставалась небранной...

Не скажу, как часто, но несколько раз я сам наблюдал и такую непривычную незнакомую для нас картину: асфальтовые дорожки около домов, тротуар, дороги, по которым ездят машины, мыли... порошком, словно пол в квартире. Да что там говорить! Каждую неделю к нашему подъезду, как и к другим, подъезжали машины с наполненными водой баками, и рабочие из шлангов, под большим давлением, мыли лестницы, стены. Через полчаса все высыхало и блестело вокруг от чистоты...

* * *

В Санжук-вилле прямо перед нашими окнами располагался весьма интересный объект для наблюдений – мужская гимназия, школа высшей ступени для юношей шестнадцати-восемнадцати лет. Без особого труда мы имели возможность прикоснуться к жизни этого мира, закрытого для внешнего взгляда. С особым интересом за жизнью гимназии наблюдала моя жена, учительница по профессии, и многое из того, о чем я пишу, основано на ее впечатлениях.

Территория гимназии, довольно большая, была огорожена забором, здание – трехэтажное, столовая – в отдельном помещении. Здесь же находился небольшой парк, две стоянки для личного транспорта: одна для машин преподавателей, вторая, поменьше, – для велосипедов учащихся. Замечу, что и в университете, где у некоторых студентов были машины, также соблюдалась определенная иерархия, так что студенты не имели права ставить свои машины там, где парковались преподаватели...

Однако вернемся к гимназии. Недалеко от здания находился небольшой стадион, который никогда не пустовал. Помимо раздевалки около стадиона располагались мастерские, и мы видели с женой, как там молодые люди выполняли какую-то работу под руководством старших...

Гимназия – исключительно мужское царство. Появление там женщин, по моему наблюдению, было крайне редким, лишь иногда, бывало, промелькнет то ли уборщица, то ли работница столовой. Впрочем, моя жена еще более категорична: она утверждала, что за весь месяц вообще не видела на территории гимназии женщин. Как бы то ни было, практически всё делалось в гимназии руками мужчин – учащихся и преподавателей.

Перед занятиями каждый раз проводилась обязательная уборка территории школы. Малейшее нарушение не оставалось без наказания, нарушителю для начала делали внушение, которое он покорно выслушивал. Наказания, как мы могли наблюдать, были разнообразны. Так, одного ученика дежурный учитель заставлял тут же, во дворе школы, делать физические упражнения, отжиматься от земли; другой должен был убирать мусор, бумажки. У каждого учителя, как видно, был свой стиль и свой набор наказаний. Одни явно либеральничали, другие же, наоборот, не допускали поблажек провинившимся, проявляя служебное рвение. Наше внимание, в частности, привлекло довольно выразительное и характерное наказание – удары костяшками пальцев по голове учащегося. В другой раз этот же учитель использовал линейку, которой он несколько раз ударил по коленям провинившегося. О подобных наказаниях в школе, судя по всему, носивших больше символический характер, мне позже рассказывали и студенты. При всей строгости и дисциплине

к которой приучают в корейской школе, юноши не выглядели забытыми. И шалили они, и опаздывали на занятия, как во всем мире, и норовили проскользнуть мимо учителей, чтобы не быть наказанными, и прыгали через забор – тоже, как везде...

* * *

В квартире, где мы жили, было установлено радио – по нему вещала администрация нашего АПТ, и в принципе его можно было бы отключить – ведь мы все равно ничего не понимали. Работало это радио всего один-два раза в день по несколько минут, так что особенно не мешало. Говорили по этому принудительному источнику информации, судя по всему, что-то сугубо практическое и полезное. Как-то нам перевели студенты: в одном случае диктор давал наставления для детей, в другом – это была информация о погоде, о состоянии дорог. Как мне позже пришлось убедиться, администрация по радио предупреждала об отключениях водопровода, электроэнергии и прочих житейских надобностях. Всё это, естественно, говорилось на корейском языке, и для нас было пустым звуком. Но каждый день часов в девять-одиннадцать дня мы выслушивали этот непонятный для нас речевой поток, и он был неким своеобразным и уже привычным звуковым сигналом, без которого нам было неуютно. И если кто-то из нас не слышал почему-либо ежедневной порции этой зашифрованной информации, то испытывал беспокойство, дискомфорт, как будто мы тоже получали по радио какие-то полезные сведения...

Вообще проблема языка едва ли не главная в чужой стране. С ней было связано столько всяких каверзных и курьезных случаев! Вспомню лишь один, запомнившийся особенно...

Как-то в одну из суббот мы с женой приехали на городской рынок. Она оставалась около кофт, курток, что-то спросила у продавца – пожилого корейца по-русски, начала торговаться с ним.

Я потянул ее за рукав и довольно громко произнес:

– Пойдем. Что ты ему говоришь по-русски, ведь он ничего не понимает...

И вдруг кореец поднял на меня глаза и медленно и отчетливо проговорил:

– Не па-ни-ма-ет... па-ни-ма-а-а-ет.

Растягивая слова, он укоризненно посмотрел на меня... Я чуть не сел от неожиданности! Продавец едва заметно улыбнулся сквозь щелки глаз.

– Москва? – спросил он, явно довольный произведенным впечатлением и замолчал. Всё. Больше по-русски он, как видно, не знал ни слова. Но с тех пор я больше никогда не говорил громко при корейцах: а вдруг – *понимает?*..

* * *

Помощник профессора уже не раз напоминал мне о том, что я должен пройти плановое медицинское обследование. Однако я все тянул и удосужился сделать это лишь во время зимних каникул. Помогать мне в этом нелегком и хлопотном деле был выделен студент старшего курса Петя; он и сопровождал меня по коридорам и кабинетам прекрасного госпиталя, который находился тут же, в университетском городке, и был не меньшей местной достопримечательностью и гордостью, чем библиотека и стадион. Все оборудовано по последнему слову техники...

Петя встретил меня в госпитале в десять утра, а уже через полчаса у меня на руках был пропуск...

– Теперь вы занесены в компьютер, – сказал мне мой проводник.

Затем мы подошли к медицинской сестре – строгой женщине средних лет, и она тотчас направила меня в один из кабинетов – там мне должны были сделать рентген грудной клетки.

– Сейчас вам не надо дышать, – сказал мне мой помощник, когда я встал перед рентген-аппаратом.

Прошло минуты две – я уже начал задыхаться от напряжения.

– А сейчас вам... еще... не надо дышать, – опять предупредил меня мой добровольный гид, переводя сказанное ему врачом-рентгенологом.

Я сдерживался с большим трудом, но чувствовал, что помимо своей воли начинаю втягивать в себя воздух... Наконец доктор чем-то там щелкнул, процедура была закончена. Я облегченно и глубоко вдохнул воздух, ощущая на лбу испарину. Доктор вежливо улыбнулся, я постарался ответить ему тем же.

Мы с Петей пошли дальше по указанному нам маршруту. Длинные, белые, как только что выпавший снег, коридоры. По ним бродили больные с перевязанными руками и ногами, некоторые передвигались на колясках... Мы подошли к следующему кабинету. Кажется, тут берут анализы... Две милые девушки орудовали иголками, пробирками с кровью. Храбрясь, я подошел, сел около стола, освободил от одежды руку – кровь будут брать из вены. Все произошло очень быстро и довольно привычно.

Затем медсестра дала мне бумажный стаканчик – в такой обычно наливают черный кофе. В первую минуту я растерялся и не сразу сообразил, что от меня требуется. Никто ничего мне не говорил, Петя стоял рядом и привычно улыбался. Но в ту же минуту меня вдруг осенило...

На всякий случай я спросил у Пети:

– Что мне надо делать?

Он стал объяснять. Вообще он говорил по-русски неплохо, но специфические медицинские термины подбирал с трудом.

– Вам нужно... вам нужно, – повторял он, – я не знаю, как это называется по-русски... А-а, вот... вода человеческая.

Ну, правильно, я так и думал, нетрудно ведь было и самому догадаться – мне надо было сдать анализ мочи... Но как прекрасно сказано: «вода человеческая»! Выходит, лучше иногда не знать сухих медицинских терминов. Сестра, видя мое затруднение, тоже слегка и необидно улыбнулась и указала пальцем в сторону ближайшей двери, за которой – теперь-то уж не требовалось никакого объяснения – я и мог проделать необходимую процедуру...

После этого мы вернулись в кабинет старшей медсестры, с которого начинался наш поход. Медсестра прослушала меня, что-то начала говорить. Я смотрел на Петю, тот пытался перевести для меня слова медсестры. Давалось ему это с большим трудом...

Вот на меня зачем-то надели большие, как у космонавтов, наушники.

– Пи-пи-пи, – пыталась подсказать мне медсестра, показывая на наушники.

Что от меня требуется? Наконец я сообразил: это была проверка моего слуха. Затем измерили кровяное давление – эта процедура была мне хорошо знакома.

– Хай, – говорит сестра.

Ясно: давление повышенное.

– Сколько? – спросил я и вопрошающе посмотрел на моего помощника.

Тот обратился к медсестре, она написала на бумажке и показала мне: 160 на 100. В самом деле, высоковато, но для меня это было не в новинку. Можно бы было попросить у сестры выписать какое-нибудь лекарство. Но как спросишь? Что-нибудь напутаешь, купишь не то лекарство – нет, лучше обойтись своими средствами, которые я привез из дома, кое-что у меня еще осталось. Вообще-то, как я слышал, у них хорошие лекарства, и можно было бы воспользоваться случаем, приобрести кое-что; но лучше уж как-нибудь в другой раз, не сейчас...

Довольно долго и дотошно проверяли цветное зрение. Это был очень важный тест для водителей, а водители здесь чуть ли не все. Но мне это едва ли пригодится – покупать машину я уж точно не собираюсь. Мне бы на первых порах научиться находить автобус, на котором можно доехать до своего университета. Одним словом, не до жиру – быть бы живу.

Первое знакомство с корейской медициной состоялось. Откровенно говоря, негусто получилось. Во всяком случае, у нас профилактическое обследование включает в себя посещение куда большего числа специалистов. И кардиограмму, бывало, сделают, и на рентген желудка пошлют. А тут самый минимум – и тридцать целковых выложи, не грехи, а за остальное, как мне пояснил Петя, надо платить дополнительно. Так что, гуд бай, раша.

Медсестра сказала что-то Пете, тот покивал головой. Я попрощался, и мы ушли.

– Все? – спросил я моего Вергилия.

Студент улыбнулся своей замечательной – открытой и доброжелательной – улыбкой; у него, кажется, всегда было хорошее настроение.

– Да, все, – сказал он. – Но на следующей неделе надо прийти... еще раз. Надо принести две... как это?.. фотографии. Тогда вам должны сказать... результаты... исследования.

Ну что ж, в компьютер меня занесли, мою «воду человеческую» исследовали, цветное зрение измерили – так что теперь пропасть не дадут.

Я улыбался, потому что светило солнце, на улице дул свежий, бодрящий ветер, и все было в общем-то хорошо...

Через неделю мы с Петей были снова в госпитале. Медсестра принесла результаты моих анализов, и опять начались муки безъязыкости. Медсестра пыталась что-то объяснить мне то по-корейски, через Петю, то по-английски. Но мой помощник затруднялся с переводом медицинских терминов, а корейский английский, как я уже к тому времени усвоил, очень не похож на русский английский... Похоже, медсестре что-то не понравилось в анализе моей крови. Но что именно? Я чувствовал, как в меня проникала пока еще легкая, но ощутимая тревога...

– Холестерин... холестерол? – с трудом пытался я уловить значение произносимых слов.

Нет, мы безнадежно не понимали друг друга. Медсестра даже написала мне на клочке бумаги какую-то химическую формулу, но все было напрасно. Она сокрушенно покачала головой и стала что-то записывать в заведенную на меня карту. Я пытался связать слова о моем повышенном давлении и показания анализа крови. Может быть, медсестра хотела сказать, что у меня в крови много холестерина? Сам не зная почему, я начал оправдываться, обращаясь к Пете: сказал ему, что в последнее время я ел много яиц, наверное, поэтому у меня высокий холестерин.... Тот молчал, медсестра не понимала сказанного мной, но почему-то отрицательно покачала головой... Полный абсурд! Но вот Петя наконец перевел мне, что есть какие-то проблемы с рентгеновским снимком.

– Не может быть, – возразил я энергично. – Это какая-то ошибка.

Мой терпеливый помощник повторил еще раз о какой-то «проблеме», указав мне на грудь...

– Что? Может быть, сердце? – высказал я догадку.

Петя, добродушно улыбаясь, отрицательно помахал головой...

И в этот момент я впервые услышал слово «коллапс». Его произнесла медсестра, продолжая делать записи в моей медицинской карте.

– Коллапс? – я серьезно встревожился.

Это слово показалось мне каким-то чужим и неприятным, хотя я никак не мог отнести его к себе, своему состоянию. Но как бы это слово, этот диагноз не попал в мою карту. Что же такое у меня нашли врачи? Уж не инфаркт ли? Нет, нет, внушал я сам себе, не может быть. Теоретически, конечно, все могло быть – и возраст не такой уж молодой, и непривычные нагрузки, в последнее время немалые. Но ведь инфаркт, да и любое другое серьезное сердечное заболевание от себя и от других не скроешь. Повышенное давление у меня, действительно, раньше бывало, но инфаркт – это же другое... Медсестра иногда поднимала глаза на меня и продолжала писать. Петя продолжал молчать... Так как же мне узнать, что обнаружили у меня корейские эскулапы? И как сказать им то, что я знаю сам о своем здоровье и своих болячках?

– Петя, – попросил я моего студента, – спроси у медсестры, что у меня?

Он почувствовал мою тревогу и попытался успокоить меня.

– Не волнуйтесь, ничего серьезного... У вас есть... проблема с...

Я терпеливо ждал – что ж это за «проблема» у меня? А Петя никак не мог вспомнить нужное слово и не знал, как называется по-русски то, что у меня болит...

– Сердце? Давление? Хай? Повышенное? – нажимал я на него.

– Нет, – он отрицательно покачивал головой. – Этот орган... я не знаю, как он называется... он находится... рядом с сердцем...

– Рядом? – искренне удивился я. – Может быть, это печень? Или желудок? Почки?

Но это все внизу, а что же такое рядом с моим сердцем? Мне казалось, что я уже не смогу никогда узнать о своей «проблеме». Тут на помощь мне еще раз попыталась прийти медсестра. Она написала на листке бумаге английское слово «ланг». Но я был так расстроен, взволнован, что никак не мог вспомнить русский перевод этого слова... У меня словно память отшибло. Всё, круг замкнулся. Повышенное давление, холестерин-холестерол, коллапс, ланг – и какая-то загадочная, таинственная проблема, чье место где-то рядом с моим сердцем... Я почувствовал, как у меня вспыхнуло от напряжения лицо, еле слышал слова Пети, успокаивавшего меня. Медсестра на этот раз улыбнулась несколько натянуто, что-то сказала по-корейски. После этого мы попрощались и ушли. Я старался держаться как можно бодрее, но настроение мое было кислое...

Дома я достал толковый словарь современного русского языка, который прихватил с собой из России, и прежде всего отыскал слово «коллапс». Ну да, так и есть... Оно означало, как я и знал, нечто пугающее, буквально – «крушение, распад, состояние, предшествующее смерти». Бог ты мой, как же я до этого дошел?! Постойте, но какое отношение ко мне имеет это страшное слово? Тут какое-то недоразумение, что-то я не так понял... Потом я заглянул в англо-русский словарь, нашел слово «ланг» – ну да, оно означает «легкие», как же я мог забыть?! Так вот оно что – рядом с сердцем! Но какие такие «проблемы» у меня могли быть с легкими? Сроду у меня не было с ними никаких проблем. Впрочем, может быть, какое-нибудь осложнение после простуды, которую я перенес на ногах? Скорее всего...

Вот таким был мой первый – и последний – поход в корейский госпиталь. И от него у меня осталось чувство какой-то тревоги и беспокойства. Раньше я собирался подлечить зубы – мне рассказывали, что в Южной Корее хорошая стоматология, но после этого передумал, решил: как-нибудь уж дотяну до дома, до России...

